

САМИНА
ШУМЯКОВА

Колибри

ТЕКСТ СОЗДАН
С ПОМОЩЬЮ ИИ

Самина Шумякова

Колибри

«Автор»

2026

Шумякова С.

Колибри / С. Шумякова — «Автор», 2026

Во времена моего рождения мало кто мог иметь вторую ипостась, и я была как раз одной из немногих. Мое имя Ю На, и моя вторая ипостась – колибри. И если иметь вторую ипостась в принципе редкость, то быть колибри – ещё большая редкость, которая чревата вечным бегством от охотников, желающих заполучить себе такого человека в собственность. ТЕКСТ СОЗДАН С ПОМОЩЬЮ ИИ: идея, персонажи и мир авторские. Вычитка – авторская.

© Шумякова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Тень на стене	8
Глава 2. Навстречу незнакомцу	13
Глава 3. Цена доверия	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Самина Шумякова

Колибри

Пролог

Меня зовут Ю На. И я не совсем человек. Вернее, я человек, но лишь наполовину, лишь в одной своей сути. В другой же – я вспышка света, трепет сердца и радужное пятно на фоне неба. Я колибри. И если в этом мире родиться с двумя ипостасями – уже редкая случайность, то родиться колибри – это приговор, означающий навсегда остаться добычей, редким экспонатом в чьей-то частной коллекции.

Охотники не спят. Они никогда не спят. Они чувствуют нас, как волки чувствуют запах крови за много лиг. И за право обладать крылатой девочкой, способной в любой момент превратиться в крошечное чудо природы, они готовы продать свои души, а заодно и мою.

Всё началось не с криков и не с пожара. Всё началось с ветра.

Я часто вспоминаю ветер в горах Кымгансан. Это был не просто ветер – это был голос самой земли. Он шептал имена забытых духов, тех, что обитали в расщелинах скал и в корнях столетних сосен. Он пел старые легенды о любви и предательстве, о войнах, которые стирали города с лица земли, и о хрупком мире, который наступал после. А ещё ветер всегда приносил запах дождя. Задолго до того, как небо успевало потемнеть. Задолго до того, как первая капля разбивалась о нагретые камни. Я родилась именно в такую ночь.

В ту ночь, когда мать в последний раз сжала мою крошечную ладошку, луна стояла очень низко. Она висела прямо над вершиной главной скалы, будто хотела заглянуть в окно нашей маленькой хижины на самом краю леса. И свет её был странным – не привычным серебристым, прохладным и отстранённым, а тягучим, золотистым и тёплым. Этот свет просачивался сквозь щели в стенах, касался моего лица, и старуха-повитуха, принимавшая роды, побледнела так, что стала похожа на призрак. Она дрожащими руками затащила пуповину и прошептала отцу всего одно слово: «Пыльца».

Он сразу все понял.

Старики потом говорили, что такие ночи случаются раз в сто лет, если не реже. В них, в эту золотую колыбель между мирами, рождаются те, кто не принадлежит ни небу, ни земле, ни людям, ни духам. Те, в ком кровь говорит на языке превращений. Те, чья вторая ипостась — не дикое животное, не хищник, не могучий зверь, а всего лишь птица.

Я не знала, что значит быть особенной. До поры до времени я была просто девочкой, которая бегала босиком по мокрой траве, собирала съедобные корни и до крови обдирала коленки о сосновую кору. Отец учил меня отличать лекарственные травы от ядовитых, мать учила меня тишине. Я не понимала тогда, зачем мне нужна эта тишина – искусство дышать так, чтобы тебя не было слышно, искусство сливаться с тенями, искусство замирать.

Я поняла всё в день, когда мне исполнилось шесть лет.

Мы сидели у ручья. Отец чинил рыбацкую сеть, мать стирала бельё, а я, как всегда, вертелась рядом, гоняя стрекоз. Я не чувствовала ничего особенного. Никакой дрожи, ни предвестников бури. Просто вдруг солнце ударило в воду так ярко, что я зажмурилась, а когда открыла глаза, мир перевернулся. Я посмотрела вниз, на своё отражение в воде, и увидела не себя.

Я увидела тень.

Моя тень на влажных камнях не была чёрной. Она переливалась алым, глубоким синим изумрудом, как крылья редких бабочек, которых ловят в южных провинциях. А потом она начала дрожать. Не от ветра, и не от моей собственной дрожи. Она вибрировала на собственной частоте, рассыпаясь на тысячи крошечных искр, будто кто-то разбил зеркало, в котором

я отражалась. Эти искры взметнулись вверх, закружились в золотистом столбе света, а затем начали собираться обратно. Но собирались они уже не в форму шестилетней девочки в грязном платье. Они собирались в форму птицы.

Это длилось всего одно мгновение, как вдруг я почувствовала, что моё тело становится невесомым, а кости превращаются в тонкие, полые трубочки. Моя кожа покрылась миллионом мельчайших перьев, а руки исчезли, становясь крыльями, которые бьются с частотой, недоступной человеческому глазу. Я видела мир иначе – огромным, размытым, но в то же время кристально чётким. Я чувствовала движение воздуха вокруг каждой травинки.

Испуг отца был диким, животным страхом. Он выронил сеть и схватил меня за плечи – уже снова меня, в человеческой ипостаси. Мое превращение длилось не больше трех секунд, но этого времени хватило, чтобы я увидела в его глазах самый настоящий ужас.

– Они услышали, – прошептал он побелевшими губами. – Духи земли услышали всплеск. А за ними придут и охотники.

И он оказался прав – они пришли в нашу деревню в тот же вечер.

Я не видела их лиц. Мать завесила окна плотными циновками и заставила меня сидеть в углу, закрыв глаза. Но я слышала их. Слышала, как по деревенской улице ритмично и уверенно стучат кованые сапоги – не как у простых путников. У них был шаг хищников, которые знают, что добыча в загоне. Я слышала, как они переговаривались между собой на гортанном наречии северных земель. Они не спрашивали. Они не стучали в двери. Они не просили разрешения. Они просто шли по следу, который тянулся за мной с самого моего рождения – невидимая нить, сплетённая из сырой магии и липкого, как смола, страха.

Я приоткрыла ладони, которым закрывала лицо и увидела, как отец бросил взгляд полный боли на мать. Ни сказав ни слова, он поднял половицу у очага и открыл сундук, хранившийся там все это время.

– Ю На, – голос его не дрогнул, хотя руки тряслись. – Ты залезешь туда. И ты будешь молчать. Не как девочка, а как колибри, когда она замирает между взмахами крыльев.

Я не понимала, что происходит. Я была слишком мала, чтобы осознать смерть. Но материнский запах трав, отцовская рука, которая мягко, но непреклонно толкнула меня в темноту сундука – всё это отпечаталось в моей памяти, как раскалённое клеймо. Крышка захлопнулась и тьма окружила меня. Я слышала, как отец задвинул половицу обратно. И наступила тишина.

Но не та тишина, в которой поют сверчки. Это была тишина ожидания. Мёртвая, ватная, давящая на уши.

Я затаила дыхание и успокоила свое сердцебиение. Заставила его биться так редко, так тихо, что, казалось, оно вот-вот остановится.

Я не знаю, сколько это длилось. Может быть, час. Может быть, вечность. Но вдруг сверху, сквозь деревянный настил, донёсся звук открывающейся двери. И голос. Чужой. Холодный. Он сказал всего одну фразу, но я запомнила каждую интонацию:

— Ты знаешь закон, старик. Отдай нам её, и мы уйдём.

Отец не ответил. И тогда началось то, что я бы хотела стереть с памяти и никогда больше не вспоминать...

Я слышала, как кричала моя мать. Как отец кидался в драку, пытаясь защитить порог нашей хижины. Я чувствовала, как пахло железом и как хрустело дерево, ломающееся под ударами. Я закрыла уши руками. Трусливо спряталась в своём маленьком мире, под половицей, в сундуке, который пах полыньёю и мятой. Я считала удары собственного сердца, чтобы не слышать того, что происходит снаружи. Но все равно все слышала.

А потом... наступила тишина. Настоящая, всеобъемлющая, страшная тишина.

Я ждала. Ждала до тех пор, пока золотой лунный свет, пробиваясь сквозь щели, не начал бледнеть, уступая место серому предрассветному сумраку. До тех пор, пока мои пальцы не онемели от неподвижности, а ноги не затекли. И когда я уже не могла больше выносить этой

духоты и молчания, я толкнула крышку сундука, из последних сил приподняла половицу и выползла наружу.

Дом был пуст.

Я звала отца, звала мать. Но никто не ответил. Мой голос разбился о стены, которые вдруг показались мне такими чужими, такими холодными. В очаге догорали угли, на полу валялась опрокинутая миска с рисом, а у порога лежал охотничий нож отца, сломанный у самой рукояти.

Их не было. Охотники ушли. Но они забрали не меня. Они забрали всё, что у меня было.

Я вышла на крыльцо. Мои ноги подкашивались. Ветер в горах Кымгансан всё ещё дул, но теперь он не пел легенды. Он выл. Он оплакивал ту маленькую девочку, которая вышла из сундука уже не ребёнком.

Я стояла на пороге, сжимая в кулаке горсть земли, смешанной с пеплом, и смотрела на уходящую вдаль дорогу. Охотники ушли на север. Их следы были видны на влажной утренней траве.

Именно в тот момент, в шесть лет, я поняла главный закон этого мира: мои крылья — это не дар. Это проклятие, за которое платят кровью близких. Которое невозможно сбросить, как старую кожу, и которое невозможно спрятать, потому что оно сияет внутри тебя, как тот золотой лунный свет. Я стала беглянкой и охотничьей дичью, за которой будет вечно тянуться невидимая нить, сплетённая из магии и страха.

С тех пор я бегу. И продолжаю бежать уже десять лет. Через горы, через реки, через города и глухие деревни. Я меняю имена, стригу волосы, учусь не смотреть в глаза чужакам слишком долго. Но я знаю, что однажды нить натянется, и они снова придут за мной.

Потому что в мире, где мало кто может иметь вторую ипостась, колибри – это самый сладкий трофей. И охотники не успокоятся, пока не поймают меня.

Глава 1. Тень на стене

Я привыкла прятаться. Это не было талантом, не было даром, не было даже навыком, который я сознательно тренировала. Это стало моей кожей, моим дыханием. Я знала, где в каждом городе, каждой деревне, каждой забытой богами и людьми дыре есть места, куда не заглядывают стражники, потому что стражникам там нечего было делать. Я знала, где крыши домов тесно соприкасались, складываясь в узкие, пахнущие плесенью и мокрым мхом коридоры. Я знала, где можно проскользнуть, не оставив следа. И знала, как стать тенью среди теней.

Я умела становиться незаметной. Не только потому, что была маленькой и с детства научилась ходить бесшумно и дышать так тихо, что даже моя собственная грудь переставала подниматься, но еще и потому, что во мне жило нечто большее, глубинное, древнее, что позволяло мне буквально «стирать» себя из восприятия окружающих. Наверное, это была та же магия, что прятала меня в сундуке в ту ночь, когда я потеряла всё. Просто теперь я управляла этим осознанно. Я могла замедлить пульс до одного удара в полминуты, могла притупить собственное свечение – тот самый золотой свет, который, как я подозревала, охотники видели даже сквозь стены.

Но моя вторая ипостась – колибри – давала мне не только скрытность. Она давала мне скорость, которую никто из обычных людей не мог повторить. В одно мгновение я могла пересечь рыночную площадь, проскользнуть между телег, нырнуть под руку торговца и исчезнуть в лабиринте переулков. Моя ловкость была почти неестественной – я могла балансировать на перилах мостов, перепрыгивать пропасти между крышами, уворачиваться от летящих камней, и всё это без единого усилия, будто моё тело само знало, как обмануть гравитацию.

Но за всё приходится платить.

После каждого превращения, после каждого касания к своей второй сути я чувствовала себя опустошенной. Будто из меня вынули часть души и положили её на невидимые весы.

Мне рассказывали, что в южных столицах существуют аукционы, куда привозят людей с животными ипостасями, и там за них торгуются, как за экзотических птиц. Я слышала, что некоторые охотники специализируются исключительно на «крылатых» – потому что тех, кто рождается с ипостасью хищника, сложнее усмирить, а колибри... что может быть проще, чем посадить в клетку крошечную птичку?

Но никто не знал, какой ценой даётся это превращение. Каждый раз, когда моё тело сжималось, кости становились полыми, а кожа покрывалась перьями, я чувствовала, как мир вокруг меня становится огромным и чуждым. Я видела каждую песчинку, каждую каплю дождя, каждую морщинку на лице старухи, торгующей редиской, и эта острота восприятия была прекрасной и мучительной одновременно. А когда я возвращалась в человеческий облик, меня накрывала такая волна усталости, что я могла спать сутки подряд и всё равно просыпаться разбитой.

Именно поэтому я старалась избегать превращений. Я прятала свою ипостась в самой дальней комнате своего сознания. Я заставляла себя думать о ней как о проклятии, как о язве, которую нельзя вырезать, но можно прижечь холодом и безразличием. Я запрещала себе чувствовать радость от полёта. Я запрещала себе наслаждаться ветром в перьях, потому что знала: любой полёт может стать последним.

Город Чхонсон стал моим очередным пристанищем. Я пришла сюда в сезон дождей, когда небо низко нависало над крышами и дороги превращались в грязевые реки. Чхонсон не был большим, а потому не был значимым. На картах его отмечали мелким шрифтом и настолько небрежно, словно картографам было лень выводить иероглифы.

Здесь не было высоких стен императорской стражи, не было богатых кварталов с золотыми драконами на воротах. Здесь были только узкие улочки, запах жареного кунжута, кото-

рый смешивался с влажным воздухом после каждого ливня, и люди, которые смотрели вниз, а не по сторонам.

Именно это сделало Чхонсон идеальным убежищем. Здесь никто не задавал лишних вопросов, потому что у каждого были свои секреты. Здесь прохожие опускали глаза, когда видели чужую беду, потому что своя беда была у каждого за пазухой. Здесь можно было исчезнуть на месяцы, и никто не заметил бы твоего отсутствия – а если бы и заметил, то предпочёл бы сделать вид, что ничего не произошло.

Свое временное убежище я нашла в доме старухи Ми Ран.

Она держала чайную лавку на первом этаже старого, покосившегося здания. Ми Ран была такой же старой, как горы Кымгансан, — по крайней мере, мне так казалось. Её лицо было изрезано глубокими морщинами, а волосы, собранные в тугой пучок на затылке, были совершенно белыми, будто их выбелил не возраст, а сама луна. Но взгляд у неё оставался молодым – острыми, цепкими, видящими насквозь.

Я не знала, почему она пустила меня. Может быть, потому что я заплатила монетами, которые заработала на рынке, помогая торговцам разгружать телеги. А может, потому что я выглядела жалко – мокрой, грязной, дрожащей от холода. Или она просто увидела во мне то, что видела во всех беглецах, – родственную душу.

Она отвела мне маленькую комнату на втором этаже, где стояла старая раскладушка и сундук, в котором можно было держать вещи. В комнате было одно окно, выходящее в узкий переулок, – идеальный путь для отступления, если придется убежать. Я проверила это в первый же день: окно открывалось бесшумно, а под ним была водосточная труба, по которой можно было спуститься за пару секунд. Ми Ран, казалось, специально выбрала для меня эту комнату. Она ничего не говорила, но она знала.

Первую неделю я просто спала. Я позволяла своему телу восстанавливаться после долгого пути, во время которого я почти не останавливалась. Я ела рисовые лепёшки, которые Ми Ран оставляла у двери моей комнаты, и пила горький чай, который пах дымом и мёдом. Я не выходила на улицу – боялась, что моя тень, которая всё ещё хранила память о моей второй сути, выдаст меня.

Но однажды вечером Ми Ран позвала меня вниз.

Чайная лавка была уже закрыта для посетителей. Деревянные жалюзи были опущены, фитиль масляной лампы горел тускло, разбрасывая жёлтые круги света по дощатому полу. Старуха сидела за низким столиком, на котором дымились две чашки. Она жестом предложила мне присоединиться к ней.

И я не стала отказываться. Я села напротив нее, стараясь держать спину прямо, руки – на коленях, а дыхание – ровным. Я видела, как она смотрит на меня, и боялась этого взгляда больше, чем взгляда охотников. Потому что охотники смотрят на тебя как на вещь. А Ми Ран смотрела как на человека.

– Ты дрожишь, – сказала она низким, с хрипотцой голосом.

– Нет, – солгала я, пытаясь спрятать руки в широких рукавах своей потертой куртки. – Я просто замёрзла.

Но пальцы меня не слушались. Они тряслись мелкой, нервной дрожью, которую я не могла контролировать. Но это было не от холода. Это была та самая усталость, что копилась во мне годами, словно осадок на дне чайника.

– Это не от холода, – мгновенно догадалась Ми Ран.

Я промолчала, потому что не могла ей возразить.

Она пододвинула ко мне чашку с черной жидкостью, над которой поднимался пар. Вдохнув горький, травяной запах с ноткой имбиря, я сделала глоток. Чай обжёг мне горло, но вместе с жаром в тело вошло странное спокойствие, будто старуха что-то добавила в напиток.

– Я не спрашиваю, кто ты, – продолжила Ми Ран, глядя на меня из-под полуопущенных век. – Мне не нужно знать твоё имя, твою историю или то, чего ты боишься. Но я скажу тебе одну вещь, и ты запомни её, даже если решишь, что я сошла с ума от старости.

Я подняла глаза. В тусклом свете лампы её лицо казалось вырезанным из дерева – жёстким и неподвижным. Но в глубине зрачков мерцал огонёк.

– Если ты будешь прятать себя так, будто стыдишься собственной тени, – сказала она, – тебя найдут. Не потому что охотники умнее или сильнее. А потому что тень всегда выдаёт того, кто боится её. Тень не терпит страха. Она начинает жить собственной жизнью, шевелится, дышит, высовывается из-под твоих ног, как язык разъярённой змеи. И те, кто ищет тебя, увидят эту тень прежде, чем увидят тебя.

Я ошарашенно застыла. Она... догадалась? Но как?

Медленно перевела взгляд на стену позади себя. Там, где масляная лампа отбрасывала свет, лежала моя тень. Она была странной. Она не была просто тёмным силуэтом, который повторял мои очертания. Она была другой. Она была живой. Я видела, как внутри неё шевелятся линии, похожие на перья. Будто моя ипостась пыталась прорваться наружу даже тогда, когда я отчаянно пыталась удержать её внутри.

Я зажмурилась и сжала пальцы в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Мне хотелось разорвать эту тень, развеять её, стереть со стены, как грязь. Но знала, что это бесполезно. Тень была частью меня. Старуха права – она всегда будет выдавать меня.

– Спасибо, – прошептала я, не открывая глаз. – Я запомню.

Ми Ран не ответила. Я слышала, как она поднялась из-за стола, как её старческие кости хрустнули, когда она выпрямилась.

– Спи, девочка, — сказала она уже у двери. – Завтра будет новый день. И, возможно, он будет добрее к тебе, чем сегодняшний.

Я осталась сидеть в пустой чайной, глядя на свою дрожащую тень. Я сидела так долго, пока масло в лампе не выгорело и комната не погрузилась в полную темноту. И в этой темноте я впервые позволила себе заплакать.

Но я не знала, что это был последний спокойный вечер в моей жизни. Ведь в следующую ночь пришли они...

Я не слышала их шагов. Охотники никогда не ходили громко. Они были как тени – без страха и сомнений. Я почувствовала их раньше, чем увидела. Моя вторая ипостась, та самая, которую я так яростно прятала внутри себя, вдруг встрепенулась, как птица в клетке, почувшавшая опасность. Моё сердце забилось быстрее. Я почувствовала запах – железо, пот и что-то ещё, сладковато-приторное, как снадобье, которым охотники смазывали свои сети, чтобы пойманные жертвы не могли вырваться.

В тот момент сидела в своей комнате на втором этаже, пытаюсь уснуть. Окно было открыто, и в щель задувал влажный ночной ветер, пахнувший рекой и прелыми листьями. Я уже почти провалилась в сон, как вдруг что-то заставило меня открыть глаза.

Я прислушалась.

Внизу, в чайной, было тихо. Слишком тихо. Ми Ран обычно ворочалась во сне – я слышала, как скрипят половицы в её комнате, когда она переворачивалась с боку на бок. Но сейчас не было ни звука. Ни скрипа, ни кашля, ни бормотания. Только тишина.

Я бесшумно встала с раскладушки. Босые ноги ступили на холодный деревянный пол. Сделав шаг к двери, которая вела в коридор, я прижалась ухом к щели и услышала голоса.

Они говорили шёпотом, но в ночной тишине их шепот был слышен отчетливо. Это были мужские голоса – грубые, хриплые, с северным акцентом, который я узнала бы из тысячи других.

– След обрывается здесь, – сказал один.

– Она не могла уйти далеко, – ответил второй. – Птичка устала. Эти твари всегда устают после превращения. Проверьте чайную. Она должна быть где-то здесь.

Я замерла. Мои лёгкие отказались дышать. Я знала этот голос. Я слышала его в ту ночь, когда мне было шесть лет, когда отец закрыл меня в сундуке, а мать... мать не успела спрятаться.

Это были они – те, кто забрал моих родителей. Те, чьи следы я видела на мокрой траве, когда вышла из опустевшего дома.

Десять лет я бежала от них. Десять лет я пересекала реки и горы, меняла имена и лица, пряталась в подвалах, на чердаках, в толпе. И всё это время они шли за мной. Непрерывно, упорно, как псы, идущие по кровавому следу.

Но как? Как они нашли меня в Чхонсоне? Я была так осторожна! Я не превращалась уже целых два месяца. Я не летала, не давала своей ипостаси вырваться наружу, я даже думать о ней боялась! Я была идеальным беглецом.

И тут я вспомнила слова Ми Ран. «Тень всегда выдаёт того, кто боится её». Я посмотрела на стену. Света в комнате не было, но моя тень всё равно была видна – она проступала из темноты, будто сама тьма была её материей. И она дрожала. Прямо сейчас. Внутри неё шевелились перья, искрились золотые искры, будто моя ипостась кричала охотникам: «Я здесь! Я здесь!»

Я зажала рот ладонью, чтобы не закричать и заставила себя дышать медленно. Я собрала всю свою волю в кулак и приказала тени замереть. И она подчинилась. Ненадолго.

Внизу послышался звук открывающейся двери. Чайная лавка Ми Ран была открыта.

– Старуха, – произнёс тот же голос, хриплый и властный. – Мы знаем, что колибри у тебя. Отдай её мирно, и мы уйдём.

Я услышала, как скрипнула половица. Это Ми Ран вышла из своей комнаты.

– У меня нет того, кого вы ищете, – сказала она спокойно. – Я всего лишь торгую чаем и травами. Здесь никого, кроме меня нет.

– Не лги, – второй голос был моложе. – Ты приютила беглянку. Мы чувствуем её запах.

Я затаила дыхание. Я знала, что должна бежать. Прямо сейчас, через окно, по водосточной трубе, в ночной переулок. Но я не могла. Мои ноги приросли к полу.

– Если вы ищете кого-то, – голос Ми Ран был твёрже, чем я когда-либо слышала, – то ищите на улице. Здесь только чай и травы. И старая женщина, которая хочет дожить свой век в покое.

Я услышала, как один из мужчин глухо рассмеялся.

– Ты умрёшь, старуха, – сказал он. – Мы не просим дважды.

Тишина повисла в воздухе. Я зажмурилась. Я знала, что Ми Ран не выдаст меня. Она не из тех, кто предаёт. Но она заплатит за это. Они убьют её точно так же, как убили моих родителей. И всё потому, что я была слабой. Потому что я позволила своей тени дрожать.

И в тот самый момент, когда я уже была готова сдаться, когда я хотела открыть дверь и спуститься вниз, чтобы сказать: «Я тут. Вы можете меня забрать, но не трогайте её», – случилось то, чего я не ожидала.

Ми Ран засмеялась.

Её смех был тонким, звонким, как у юной девицы. Он разносился по всей чайной, отражался от стен и, казалось, поднимался к самой крыше.

– Дураки, – сказала она. – Вы ищете колибри в чайной лавке. Вы ищете птицу там, где живут только сухие листья.

Я слышала, как мужчины замерли. Они явно не ожидали такого ответа.

– Что ты несёшь, старуха? – прорычал первый.

Но Ми Ран не ответила. Вместо этого я услышала странный звук – шелест, похожий на шум крыльев тысячи бабочек. А затем моя комната озарилась ярким, ослепительным светом.

Я не знала, что это было. Может быть, она использовала какой-то древний оберег, может быть, у неё самой была ипостась, которую она прятала всю жизнь.

Я не стала ждать. Потому что в этот момент внизу раздался крик – не человеческий, а звериный, полный боли и ярости.

Я не помню, как оказалась у окна. Не помню, как спустилась по водосточной трубе, как приземлилась на мокрые камни переулка и побежала, не разбирая дороги.

Я не знала, куда бегу. Я просто знала, что должна исчезнуть, раствориться, стать никем. Но город был чужим, улицы петляли, как змеи, и я поняла, что если продолжу бежать по земле – меня найдут. Я слишком громко дышала, слишком тяжело ступала, и моя проклятая тень продолжала дрожать и искриться, выдавая меня каждым своим движением.

Нужно было подняться. Выше. Туда, где их глаза не достанут.

Я завернула в очередной переулок и увидела старый храм на холме. Он возвышался над крышами Чхонсона, почерневший от времени, полуразрушенный, но всё ещё гордый. Его черепичная крыша, покрытая мхом и трещинами, казалась мне единственным спасением. Я подбежала к стене, уцепилась за выступы камней и, не чувствуя боли в ободранных ладонях, начала карабкаться вверх.

Каждый метр давался мне с трудом. Пальцы скользили по влажному мху, ноги срывались с карнизов, но я не останавливалась. Я лезла, как зверь, загнанный в угол, не думая о том, что будет, если я сорвусь. И когда моя рука наконец ухватила за край крыши, я подтянулась и перекатилась на холодную черепицу.

Глава 2. Навстречу незнакомцу

Сидя на крыше старого храма и прижавшись спиной к каменной статуе дракона, я смотрела, как внизу, на площади, мечутся тени. Охотники. Я насчитала троих, когда они вышли из чайной лавки и рассредоточились по переулкам. Они искали меня.

Моё сердце всё ещё колотилось где-то в горле, и я чувствовала, как усталость разливается по телу тягучим, свинцовым теплом. Стараясь восстановить дыхание, я немного осмотрелась – с этой высокой крыши был виден весь Чхонсон. Огни фонарей внизу казались россыпью светлячков, застывших в вечернем воздухе. Дым из труб поднимался тонкими, почти прозрачными нитями, теряясь в темнеющем небе. Узкие мосты над каналами были похожи на спины спящих драконов. Город дышал, жил, спал, не подозревая о том, что на его крыше прячется девушка с птичьей душой. И в этой тишине, в этом покое, я почти поверила, что опасность миновала.

Почти.

Я вновь посмотрела вниз, на улицы, и увидела его.

Фигура в тёмном плаще стояла на площади перед храмом, не двигаясь, не прячась, не пытаясь слиться с тенями. Она была открыта, заметна, и именно это пугало меня больше всего. Охотники всегда прятались. Они были тенями среди теней, они крались, они ждали. А этот человек стоял прямо под фонарём, и свет падал на его лицо, делая его черты чёткими и ясными.

Он не спешил.

Это было самое странное. Он не бежал за мной, не карабкался по стенам, не выкрикивал угроз. Он просто стоял, глядя вверх, туда, где я пряталась за статуей дракона. И в его позе не было напряжения охотника, который боится упустить добычу. Было спокойствие. Уверенность. Будто он знал, что я никуда не денусь. Будто он знал, что я устала и что мои крылья больше не могут нести меня дальше.

Я замерла. Моё сердце, которое только начало успокаиваться, снова забилось быстрее. Я сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Я могла бы снова превратиться. Могла бы взлететь, улететь за пределы города, скрыться в горах, которые чернели на горизонте. Но я знала, что это будет последним превращением. После него я упаду, и меня найдут без сознания, беспомощную.

Я приняла решение. Я не буду бежать. Если он охотник, если он хочет меня поймать, пусть попробует. Я встречу его здесь, на этой крыше, и буду драться. У меня нет оружия, кроме моих ногтей и зубов, но я не собиралась сдаваться без боя.

Медленно поднявшись, я выпрямила спину и вышла из-за статуи. Ветер ударил мне в лицо, разметал волосы, и я почувствовала, как моя тень снова начала дрожать, выпуская наружу золотые искры.

– Ты думаешь, что скорость спасёт тебя, – раздался голос снизу.

Он не кричал. Он говорил ровно, спокойно, с лёгкой хрипотцой, и его голос был таким, что я слышала каждое слово, несмотря на ветер.

– Но даже колибри устают.

Я обернулась.

И замерла – мужчина стоял на крыше храма. Вся моя смелость, которая была со мной несколько секунд назад, вмиг куда-то испарилась. Мужчина стоял в трёх шагах от меня, хотя секунду назад я видела его внизу, на площади. Он поднялся сюда без единого звука, без единого движения, которое я могла бы заметить. И... это было невозможно. Ни один человек не мог подняться на такую высоту так быстро и так бесшумно.

Он был молодым. Это удивило меня больше всего. Я ожидала увидеть старого, прожжённого охотника с грубым лицом и холодными глазами. Но передо мной стоял мужчина, которому было, наверное, около двадцати пяти лет. Его лицо было правильным, почти идеальным

– твёрдые линии скул, прямой нос, чётко очерченные губы. Но глаза у него были живыми. Тёмными, как ночное море, в котором отражаются звёзды, и в них не было той жажды охоты, которую я привыкла видеть в глазах своих преследователей. В них не было алчности, не было торжества, не было жестокости.

В них было что-то другое. Что-то, чего я не могла понять.

Я сделала шаг назад. Моя спина упёрлась в каменную статую дракона, и я почувствовала, как холодный камень касается моих лопаток. Я была загнана в угол. На крыше, с которой нельзя спрыгнуть, не переломав костей. Передо мной стоял человек, который был быстрее и тише любого охотника, которого я встречала.

– Кто ты? – спросила я. Мой голос прозвучал хрипло, почти беззвучно. Я пыталась казаться спокойной, но мои руки дрожали, и я не могла это скрыть.

Он ответил не сразу. Сначала посмотрел на меня, склонив голову набок, будто рассматривал какую-то диковину. Но в его взгляде не было оценки. Не было желания прикинуть, сколько за меня заплатят.

– Меня зовут Жи Хун, – наконец, ответил он, и вдруг добавил: – Я не охотник.

Я усмехнулась. В моей груди поднялась злая, горькая волна.

– Они всегда так говорят, – прошипела я. – Они говорят: «Я не охотник, я просто хочу поговорить, я помогу тебе». А потом ты просыпаешься в клетке со связанными руками и кляпом во рту, чувствуя запах того самого снадобья, которое не даёт тебе превратиться. Я знаю эту игру.

Жи Хун не двинулся с места. Он стоял неподвижно, как статуя, и его глаза не меняли выражения. Он смотрел на меня с терпением, которое меня бесило.

– Я не охотник, – повторил он. – Я – телохранитель.

Я замерла от неожиданности. Телохранитель? Это было что-то новое. Обычно охотники представлялись торговцами, путешественниками, даже монахами, но телохранителями – никогда. Это слово не вписывалось в мой опыт.

– Телохранитель кого? – спросила я, не снимая руки со статуи дракона, готовая в любой момент превратиться – даже ценой собственного истощения.

– Семьи Юн, – ответил он.

Я не знала эту фамилию. Ничего в моей памяти не всплыло при упоминании этого имени. Я встретила столько людей, столько семей, что перестала запоминать имена.

– Семья Юн... это кто? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойнее.

Жи Хун, наконец, сделал шаг вперёд. Я напряглась, но он не приблизился ко мне. Он подошёл к краю крыши и сел на неё, свесив ноги, будто мы были старыми друзьями, встретившимися, чтобы поговорить о погоде. Его спокойствие было странным. Но в то же время в нём было что-то такое, что заставило меня ослабить хватку.

– Семья Юн – это люди, которые потеряли свою дочь, – сказал он, глядя вдаль, на огни города. – Она тоже была одной из тех, кто имеет вторую ипостась. Она была – ястребом. Её украли охотники, когда ей было десять лет. Её продали на аукционе в южной столице. Её купили как вещь. И она прожила в клетке три года, пока не умерла от тоски.

Я почувствовала, как холод пробежал по моей спине. Я знала, что такое аукционы. Я знала, что такое клетки. Но каждый раз, когда кто-то говорил мне об этом, я чувствовала себя так, будто в мою грудь вонзили ледяной кинжал.

– Зачем ты рассказываешь мне это? – спросила я тихо.

Я ведь не спрашивала у него про дочь Юн. Лишь поинтересовалась, кто они такие.

Жи Хун повернул голову и посмотрел на меня. В его глазах не было жалости. Была только твёрдая, непоколебимая решимость.

— Потому что глава семьи Юн, старый господин Юн, всю свою оставшуюся жизнь ищет способ уничтожить гильдию охотников. Он нанял меня и ещё нескольких таких же, как я,

чтобы мы искали людей с ипостасями, которые находятся в опасности, и предлагали им убежище. Настоящее убежище. За стенами, которые охотники не могут преодолеть.

Я попыталась сглотнуть, но мое горло внезапно пересохло.

м Ты хочешь сказать, что пришёл не за мной, а за теми, кто охотится на меня? – переспросила я.

– Именно, – ответил он. – Ты была права, когда думала, что охотники пошли по твоему следу. Но я пошёл по их следу. Я следил за отрядом, который нашёл тебя в Чхонсоне. Я видел, как они вошли в чайную лавку. Я видел, как старуха остановила их с помощью старой магии, которую я не сразу распознал. Я видел, как ты убежала. И я пошёл за тобой не для того, чтобы поймать тебя, а для того, чтобы предупредить.

– Предупредить о чём? – я чувствовала себя глупо. Каждое слово, которое он произносил, звучало правдоподобно, но я не могла позволить себе поверить. В моей жизни доверие было роскошью, которую я не могла себе позволить.

– О том, что старуха Ми Ран жива, – сказал он.

Моё сердце пропустило удар.

– Что? – прошептала я.

– Она жива, – повторил он. – Когда я вошёл в чайную лавку, она сидела на полу, окружённая телами двух охотников. Она использовала какую-то древнюю защитную магию... Я никогда не видел ничего подобного. Она сказала мне передать тебе, что она в порядке и что ты не должна возвращаться за ней. Она сможет о себе позаботиться.

Мои ноги подкосились и я медленно сползла на землю. Сев на холодную черепицу, я обняла колени руками и почувствовала, как из моих глаз начинают течь слёзы облегчения, которые я никак не могла остановить. Ми Ран жива. Ми Ран, которая дала мне чай и кров. Ми Ран, которая сказала мне, что тень выдаёт страх. Ми Ран, которая, оказывается, была не просто старой травницей.

– Она... она маг? – спросила я, вытирая слёзы рукавом.

– Она что-то большее, – задумчиво промолвил Джи Хун. – Она старая, очень старая. И она знает вещи, которые мы, простые смертные, не можем понять. Она сказала, что видела твой путь задолго до того, как ты ступила на её порог. Она ждала тебя.

Я подняла голову. Джи Хун сидел на краю крыши, всё так же спокойно, и смотрел на меня своими тёмными глазами. В них не было ни тени обмана.

– Зачем тебе помогать мне? – спросила я. – Ты даже не знаешь меня.

Он улыбнулся. Это была лёгкая, едва заметная улыбка, но она изменила всё его лицо, сделав его человеческим, тёплым.

– Мне не нужно тебя знать, чтобы помочь тебе, – сказал он. – Я видел, как ты летела. Ты была прекрасна. Ты была свободна. И я понял, что не могу позволить таким, как ты, заканчивать свои дни в клетке. Если бы кто-то помог моей сестре, когда она была в опасности, она была бы жива.

Я не знала, что сказать. Мои мысли были беспорядочными, как стая испуганных птиц. Я отчаянно хотела верить ему, но это оказалось сложнее, чем я могла себе представить.

– Я не знаю, смогу ли я доверять тебе, – сказала я наконец.

– Я не прошу тебя доверять мне сейчас, – ответил Джи Хун. – Я прошу тебя позволить мне показать тебе, что я не враг. Позволь мне проводить тебя в безопасное место. Позволь мне доказать, что ты не одна.

Я долго смотрела на него, сидя на холодной крыше, под звёздами, которые начинали проступать сквозь облака. Ветер стих, и город внизу затих, будто он тоже слушал наш разговор.

– Если ты предашь меня, – пригрозила я, вставая на ноги, – я найду способ отомстить. Даже если придётся продать душу демонам.

Джи Хун кивнул, серьёзно и спокойно.

– Если я предам тебя, – сказал он, – я сам позволю тебе убить меня. Договорились?

Я не ответила. Но я сделала шаг вперёд, к нему. И в этот момент я поняла, что впервые за десять лет сделала выбор в пользу не страха, а надежды.

Это было странное чувство. Оно было похоже на тот самый первый полёт – когда я только узнала, что могу превращаться в колибри. В нём был страх, но в нём был и восторг. И я решила, что достойна хотя бы попробовать.

Джи Хун протянул мне руку. Я помедлила, но взяла её. Его ладонь была тёплой и сухой, и я почувствовала, что моя дрожь начала утихать.

– Пойдём, – сказал он. – Нам нужно уйти отсюда до того, как охотники поймут, что старуха их перехитрила. Они пришлют ещё. И в следующий раз у них будут стрелы с заговорёнными наконечниками.

– Откуда ты знаешь? – спросила я, спускаясь с крыши по его следу.

– Потому что я знаю их методы, – ответил он. – Я видел, что они делают. Поэтому я присоединился к семье Юн.

Мы спустились на землю и исчезли в лабиринте ночных улиц Чхонсона. Город спал. И только моя тень, которая теперь не дрожала от страха, а спокойно тянулась за мной, знала, что сегодня я впервые за долгие годы почувствовала себя чуть менее одинокой.

Мы шли по ночному Чхонсону молча. Я не знала, сколько времени прошло с того момента, как мы спустились с крыши храма, – минуты, часы, вечность? Город вокруг нас дышал сонным, размеренным дыханием: где-то лаяла собака, где-то скрипнула дверь, где-то капля воды сорвалась с карниза и разбилась о камень, и этот звук был таким громким в тишине, что я вздрагивала каждый раз, когда он повторялся. Но все это казалось каким-то далёкими, будто доносилось из другого мира. Будто я смотрела на город сквозь толщу воды.

Мои мысли были заняты Джи Хуном – его словами, его прошлым, его предложением, его глазами, которые смотрели на меня с такой странной уверенностью, будто он знал меня всю жизнь.

Я шла за ним, держась на расстоянии двух шагов. Не потому что боялась, что он нападёт, – нет, я уже почти поверила, что он не причинит мне вреда. В его голосе, в его движениях, в его спокойной, уверенной походке не было той хищной настороженности, которую я привыкла видеть в охотниках. Он не крался, не оглядывался, не прислушивался к каждому шороху, как делают те, кто ищет добычу. Он шёл так, будто знал, что этот город принадлежит ему, будто он был здесь хозяином, а не гостем.

Но я боялась не его. Я боялась собственного желания поверить ему до конца. В моей жизни было слишком много предательств, слишком много обещаний, которые разбивались о жестокую реальность. Каждый раз, когда я позволяла себе надеяться, когда я открывала своё сердце кому-то, кто казался добрым и искренним, мир находил способ доказать мне, что надежда – это роскошь для тех, у кого есть будущее. А у меня было только зыбкое, текучее настоящее, готовое в любой момент рассыпаться в прах.

Я смотрела на его спину, на его тёмный плащ, который развевался на ночном ветру, и в моей голове проносились сотни вопросов: кто он на самом деле? Почему решил помочь мне? Что получит взамен? Я знала, что в этом мире ничего не даётся просто так, что за каждым добрым поступком стоит либо выгода, либо долг, либо что-то ещё, что рано или поздно всплывёт на поверхность. Но в его глазах, в том мгновение, когда он смотрел на меня на крыше храма, я не увидела ни выгоды, ни расчёта. Я увидела только боль – ту самую, которую я носила в себе все эти годы. Боль потери, боль одиночества, боль вины.

Джи Хун шёл уверенно, но не спеша. Он не оборачивался, не проверял, иду ли я за ним, будто знал, что я не сбегу. И это знание одновременно успокаивало и раздражало. Как он мог быть так уверен во мне? Как он мог доверять незнакомке, которую встретил несколько часов

назад на крыше храма? Я не доверяла никому уже десять лет, а он, казалось, доверял мне с первой минуты. Или это была просто маска, за которой скрывался охотник, более искусный, чем все, кого я встречала раньше?

– Почему ты не боишься, что я уйду? – спросила я, когда мы свернули в очередной переулок.

Мой голос прозвучал тихо, почти робко, и я ненавидела себя за эту робость. Я должна была быть сильной, должна была показывать, что меня нельзя сломать. Но в ту минуту, стоя в тени старого, покосившегося здания, я чувствовала себя такой же маленькой и испуганной, как в ту ночь, когда пряталась в сундуке.

Джи Хун остановился, повернулся ко мне, и в свете далёкого фонаря я увидела его лицо – спокойное, сосредоточенное, с тёплыми глазами, в которых не было ни капли страха или сомнения. Он смотрел на меня так, будто видел не просто испуганную девушку, а кого-то большого, кого-то, кто стоит того, чтобы в неё верили.

– Потому что ты не уйдёшь, – сказал он, и в его голосе была такая уверенность, что я почти поверила ему. — Ты слишком умна, чтобы убегать от единственного человека, который предложил тебе не просто кров, а путь. Ты искала выход десять лет, и теперь, когда он появился, ты не отвернёшься от него.

– Путь? – переспросила я, нахмурившись. – Ты говоришь так, будто знаешь, что мне нужно. А я сама не знаю, что мне нужно. Не знаю, куда идти, чего хотеть, во что верить. Я просто живу... если это можно назвать жизнью.

Джи Хун покачал головой, и в его глазах промелькнула тень понимания. Он смотрел на меня так, будто видел самого себя десять лет назад, когда был таким же потерянным и напуганным.

– Ты знаешь, – сказал он тихо. – Ты просто боишься признаться себе в этом. Ты хочешь перестать бежать. Ты хочешь перестать оглядываться через плечо. Ты хочешь, чтобы однажды ты могла просто... дышать. Не прячась. Не извиняясь за то, что ты есть. Не боясь, что тебя поймут и запрут в клетку. Я прав?

Я открыла рот, чтобы возразить, чтобы сказать, что он ничего не знает, что он не имеет права говорить мне, что я чувствую. Но слова застряли в горле. Потому что... Да, он был прав. Каждое его слово попадало в цель с точностью лучника, который всю жизнь тренировался стрелять в яблочко.

Глава 3. Цена доверия

Да, я хотела этого. Я хотела этого так сильно, что иногда по ночам, когда я лежала без сна в очередном случайном приюте, я закрывала глаза и пыталась представить себе мир, где я могла бы просто быть. Где я могла бы превращаться в колибри не для того, чтобы спастись, а для того, чтобы чувствовать ветер, чтобы летать ради самой радости полёта. Где я могла бы смотреть на людей и не видеть в их глазах охотничий блеск, не видеть желания использовать меня, запереть, продать. Где я могла бы не выживать, а просто жить.

Но эти мечты были опасны. Они делали меня слабой. Они заставляли меня хотеть того, чего я не могла иметь. Они открывали дверь надежде, а надежда была той самой роскошью, которую я не могла себе позволить. Потому что каждый раз, когда я позволяла себе надеяться, мир находил способ разбить мою надежду вдребезги, превратив её в пыль, в понимание, что я никогда не смогу быть счастливой.

– Допустим, я хочу этого, – наконец, сказала я, скрестив руки на груди, словно этот жест мог защитить меня от его слов. — Что дальше? Что ты предлагаешь? Ты сказал, что хочешь отвести меня в какое-то место. Что это за место?

– Академия Чхон Му, – ответил мужчина. – Семья Юн основали ее для таких, как ты.

– Чхон Му? – засомневалась я. – Но я никогда не слышала о такой академии. Это выдумка какая-то?

– Это не выдумка, – уверенно ответил Джи Хун. – Академия Чхон Му находится в горах, далеко от крупных городов, и о ней знают только те, кому положено знать. Там обучают людей с особыми способностями. Не только тех, кто умеет сражаться, но и тех, кто, как и ты, родился не совсем обычным. Я не обещаю тебе, что всё будет легко или у тебя не будет врагов. Но обещаю, что там у тебя будет настоящий шанс перестать быть добычей и научиться быть сильной.

Я слушала его, и в моей груди разгоралось странное, противоречивое чувство. Страх всё ещё сидел внутри меня, въевшись в самую сердцевину моего существа, как старая, застарелая болезнь, которую невозможно вылечить до конца. Он был со мной так долго, что я уже не представляла себя без него. Он стал моим щитом и моим проклятием одновременно. Но рядом с ним проросло что-то другое – зелёный росток надежды, который я пыталась вырвать, но не могла. Он был таким хрупким, таким маленьким, что я боялась даже дышать на него, чтобы не сломать.

– Ты говоришь так, будто был там, – сказала я, и в моём голосе послышалось сомнение, смешанное с любопытством.

Джи Хун кивнул. Его глаза потемнели, и я увидела в них отражение далёкого прошлого, которое он, возможно, не хотел вспоминать, но которое было частью его.

– Я был там, когда присоединился к семье Юн, – признался он, и его голос стал тише, как будто он говорил о чём-то сокровенном, о чём-то, что он не рассказывал никому. – Я учился в академии Чхон Му четыре года. И я знаю, что они умеют делать. Они могут научить тебя контролировать свою ипостась так, что она перестанет быть твоим проклятием. Они могут научить тебя использовать её как оружие, как защиту, как союзника. И самое главное – они могут научить тебя не бояться себя. Они могут показать тебе, что ты – не ошибка природы, не проклятие и не жертва.

Я прикусила губу. Его слова звучали слишком хорошо, чтобы быть правдой. В моём опыте всё, что звучало слишком хорошо, всегда оборачивалось ловушкой. Всегда находился скрытый смысл. Всегда находился человек, который хотел использовать меня для своих целей. Но в его глазах я не видела лжи. Я видела только искренность и боль, смешанные с надеждой.

– А какова плата? – спросила я, и мой голос стал жёстче. – Никто ничего не даёт просто так. Ты хочешь, чтобы я доверилась тебе, чтобы я пошла за тобой в неизвестность. Но я не знаю, что ты потребуешь взамен. Все люди хотят чего-то взамен. Что хочешь ты?

Джи Хун остановился, и обернувшись ко мне, сделал шаг в мою сторону. Я инстинктивно отступила, но он не приблизился – он просто хотел, чтобы я видела его глаза, чтобы я могла прочитать в них правду, которая не нуждалась в словах. В них не было ни тени обмана, ни расчёта, ни скрытой выгоды. Только та же боль, что я носила в себе.

– Я ничего не прошу у тебя, Ю На, – сказал он, и произнесение моего имени из его уст прозвучало странно, будто он пробовал его на вкус, запоминал его звучание. – Мой долг – найти таких, как ты, и предложить им путь. Если ты откажешься, я не буду тебя преследовать. Я просто пойду дальше, искать другого человека, который нуждается в помощи. Это моя клятва семье Юн. Ты ничего мне не должна. Ты можешь уйти в любой момент, и я не остановлю тебя. Но я надеюсь, что ты не уйдёшь.

Я молчала. Ветер снова поднялся, и мои волосы разметались по лицу, закрывая от него мой взгляд. Я не знала, что сказать. Все мои инстинкты кричали мне: «Беги! Беги, пока он не передумал! Беги, пока у тебя ещё есть силы! Беги, потому что ты не можешь никому доверять!», но внутри меня звучал другой голос – тихий, едва различимый, но настойчивый. Он робко шептал: «А что, если... если это действительно твой шанс? Что, если ты упустишь его сейчас и будешь жалеть об этом до конца своих дней? Что, если он говорит правду, и ты сможешь быть счастливой?»

Я вспомнила Ми Ран. Её глаза, которые видели меня насквозь, которые знали больше, чем говорили. Её слова о том, что я не должна бояться своей тени. Её древнюю магию, которая спасла её от охотников. Она тоже была не такой, как все. Она тоже носила в себе тайну. И она смогла справиться. Она смогла найти свой путь. Может быть, и я смогу?

– Как выглядит это место? – спросила я, и в моём голосе прозвучала нерешительность, которая выдавала мои сомнения. – Академия Чхон Му. Там красиво? Там можно дышать полной грудью? Там можно не бояться?

Джи Хун слегка улыбнулся – той же тёплой, едва заметной улыбкой, которую я видела на крыше. Она делала его лицо более живым, более человеческим. В этой улыбке не было ничего от хищника, который хочет тебя поймать. В ней была только доброта и обещание.

– Там не просто красиво, – сказал он, и его голос стал мягче. – Там видно, как облака касаются вершин гор, как они целуют снежные шапки, как ветер рисует на них узоры. Там по ночам слышно пение цикад, которое смешивается с шепотом ветра, и этот звук успокаивает, как колыбельная. Там есть сад, который цветёт круглый год, потому что его охраняют маги-садовники, и в этом саду цветы распускаются даже зимой, когда всё вокруг покрыто снегом. И там есть библиотека, в которой хранятся книги, написанные на языках, которые никто уже не помнит. Книги, в которых заключены тайны, которые не могут больше нигде найти. Там есть люди, которые поймут тебя без слов, потому что они сами прошли через то же, что и ты. И там есть свобода – настоящая, а не та, о которой ты мечтаешь в своих снах.

Я закрыла глаза. Я позволила себе на мгновение представить это место. Горы, которые касаются неба. Облака, которые плывут над вершинами, как белые корабли. Пение цикад, которое смешивается с шепотом ветра. Сад, который цветёт круглый год. Библиотека с древними книгами, которые пахнут временем. Люди, которые не будут смотреть на меня как на диковинку или как на наживу. Которые увидят во мне человека, а не редкий экспонат. Это было так далеко от моей реальности, что казалось сказкой, мечтой, которую невозможно осуществить. Но именно эта сказка теперь стояла передо мной, воплощённая в человеке, который протягивал мне руку и ждал, пока я решусь сделать шаг.

– Почему ты так хочешь мне помочь? – спросила я ещё раз. – Ты сказал, что у тебя есть долг. Но долг – это просто слова. Ты мог бы найти меня и просто указать направление. Ты мог

бы оставить меня там, на крыше. Но ты пришёл ко мне. Ты не ушёл, даже когда я сомневалась в тебе. Зачем?

Джи Хун опустил взгляд. На мгновение его лицо стало усталым, почти измученным, будто он нёс на себе груз, который был тяжелее всех гор Кымгансан вместе взятых. Я видела, как его плечи слегка опустились, а пальцы сжались в кулаки, как он пытался справиться с чем-то, что жило внутри него уже много лет.

– Я уже говорил: у меня была сестра, – сказал он тихо, и в его голосе послышалась та же боль, что и в моём, когда я вспоминала своих родителей. – Её звали Ми Сок. Она была на два года младше меня. И она тоже имела вторую ипостась – она была ласточкой. Мы росли в маленькой деревне у подножия гор. Мы не знали, что это редкость. Мы думали, что все так могут. Мы думали, что мир – это доброе место, где каждый может быть собой. А потом пришли охотники. Я был глупым мальчишкой – я думал, что смогу защитить её. Я думал, что, если я буду достаточно сильным, достаточно быстрым, то смогу отогнать их. Но я ошибался. Они забрали её, когда мне было пятнадцать. И больше я её никогда не видел.

Я почувствовала, как холод пробежал по моей спине, как мурашки покрыли мои руки. Я знала это чувство. Знала какого это, когда тот, кого ты любил, исчез, и ты не можешь ничего сделать, чтобы вернуть его. Когда ты должен был защитить его, но не смог. Знала, какого это – носить эту вину в себе до конца своих дней.

Воспоминания о моих родителях нахлынули на меня с новой силой, и я зажмурилась, чтобы сдержать слёзы, которые уже готовы были пролиться.

– Мне жаль, – сказала я, и хоть это были просто слова, но я действительно чувствовала его боль. Я видела её в его глазах, в том, как он сжал кулаки, в том, как его голос дрогнул, когда он произносил имя сестры. Она была для него всем. И он потерял её.

– Я не могу вернуть её, – сказал он, поднимая глаза, и теперь в них я видела ту же решимость, что и на крыше. – Но я могу спасти других. Я могу сделать так, чтобы ни одна другая сестра больше не была потеряна, чтобы ни один другой брат не стоял на коленях перед этой пустотой, не зная, как жить дальше. Это моё искупление. Мой смысл. Это единственное, что держит меня на плаву.

Он снова протянул мне руку. Но на этот раз я не колебалась. Я сделала шаг вперёд и взяла её. Его ладонь была тёплой, сильной, и в ней была та самая уверенность, которой мне так не хватало все эти годы. Я чувствовала, как его пальцы сжимают мои, как его тепло передаётся мне, проникая в мою грудь и согревая что-то, что было замёрзшим так долго.

– Хорошо, – сказала я, и мой голос был твёрже, чем я чувствовала себя. – Я пойду с тобой в твою академию.

И мы двинулись дальше. Чхонсон постепенно оставался позади – его огни тускнели, становясь всё меньше и меньше, пока не превратились в простое пятно света на горизонте. Мы шли по горной тропе, и воздух становился прохладнее, чище, наполняя мои лёгкие запахом сосен и мокрой земли. Этот запах напоминал мне о доме, о горах Кымгансан, о том времени, когда я была счастлива.

Я не знала, сколько нам предстояло идти. Джи Хун не говорил о расстоянии. Он просто шёл вперёд, уверенно и целенаправленно, и я следовала за ним, пытаясь не думать о том, что я оставляю позади. Город, который стал моим убежищем на несколько недель. Старуху Ми Ран, которая спасла меня. Мои страхи, которые преследовали меня по пятам.

«Ты не станешь прятаться в первом же переулке, – говорил он. – Ты пойдёшь туда, где у тебя будет шанс перестать быть добычей».

Я повторяла эти слова про себя, как мантру, как заклинание, которое должно было защитить меня от сомнений. Я хотела в них верить. Я хотела верить, что этот путь приведёт меня к чему-то хорошему.

Когда мы подошли к подножию горы, Джи Хун остановился. Он указал вверх, туда, где между скалами виднелся едва заметный проход, заросший мхом и диким виноградом.

– Оттуда начинается путь к академии, – сказал он. – Чтобы попасть туда, нужно будет пройти через испытание. Ты готова?

– Испытание? – переспросила я, чувствуя, как страх снова поднимается в груди. – Какое испытание?

– Испытание доверия, – ответил он. – Ты должна пройти через лес, который не подчиняется обычным законам. Он реагирует на твои эмоции. Если ты будешь бояться, он будет пытаться запугать тебя. Если ты будешь злиться, он будет пытаться разозлить тебя. Если ты будешь сомневаться, он будет показывать тебе твои сомнения. Ты должна научиться контролировать свои чувства, прежде чем войти в стены академии. Таковы правила. Лес проверяет тех, кто хочет стать частью этого места.

Я сглотнула. Лес, который реагирует на эмоции? Это звучало как кошмар, как самый страшный сон, который я когда-либо видела. Я всегда была рабом своих эмоций. Я боялась, злилась, сомневалась. И если этот лес действительно мог читать мои чувства, он мог уничтожить меня.

– Не уверена, что смогу, – робко призналась я. – Я не умею контролировать свои чувства. Я всегда позволяла им управлять мной.

Джи Хун положил руку мне на плечо. Его прикосновение было лёгким, но я почувствовала его тепло даже через ткань куртки. Оно было таким же тёплым, как его рука, когда я держала её.

– Ты сможешь, – уверенно сказал он, и его уверенность почти передалась мне... Почти. – Ты прошла через большее. Ты выжила в одиночестве десять лет. Если ты справишься с этим, ты справишься и с лесом. Просто помни: лес – это не враг. Он просто хочет увидеть, кто ты на самом деле. Он хочет увидеть твою суть, твою правду. И если ты покажешь ему, что не боишься, он откроет тебе путь.

Я глубоко вздохнула. Холодный воздух вмиг обжёг мои лёгкие, но вместе с этим холодом пришла и ясность. Я поняла, что если хочу изменить свою жизнь, если хочу перестать быть жертвой, я должна пройти через это. Я должна доказать себе, что я сильнее своего страха.

– Хорошо, – твердо сказала я. – Я готова.

Мы вошли в лес. И сначала ничего не происходило. Деревья стояли ровными рядами, как старые воины, застывшие в вечном строю. Тропинка была вымощена гладкими камнями, которые блестели в лунном свете. И всё казалось спокойным, почти мирным. Я слышала, как где-то вдали поёт ночная птица, как ветер шелестит листьями, как моё собственное дыхание становится ровным. Я уже почти расслабилась, как вдруг почувствовала, что воздух стал гуще, а звуки начали искажаться. Ветки перестали скрипеть, листья перестали шевелиться, и воцарилась полная, абсолютная тишина.

Я шла, и мои шаги отдавались эхом, которое распространялось в разные стороны, будто я шла по бесконечному коридору, у которого не было конца. Внезапно я услышала шёпот. Он был тихим, почти неразличимым, но я поняла слова: «Ты не нужна им. Ты не нужна никому. Ты всегда будешь одна. Ты всегда будешь бежать. И никогда не найдёшь покоя».

Я остановилась. Моё сердце забилось быстрее, и я почувствовала, как страх сжимает мою грудь.

– Это лес, – сказала я себе шёпотом. – Это просто лес. Он пытается напугать меня. Это не реально.

Но шёпот не прекращался. Он становился громче, настойчивее. Я слышала голос своей матери, которую потеряла. Я слышала голос отца, который исчез. Я слышала голоса охотников,

которые кричали, что никогда не остановятся, что они найдут меня и запрут в клетке, и я никогда не увижу света.

Я зажмурилась, и в этой темноте увидела лица тех, кого потеряла. Я увидела свою мать, которая улыбалась мне в последний раз. Я увидела отца, который закрыл меня в сундуке, чтобы спасти. Я увидела их глаза, полные любви и боли. И я почувствовала, как слёзы текут по моим щекам.

Но вдруг, сквозь этот шёпот, я услышала другой голос – свой собственный. Он был тихим, но твёрдым. Он говорил: «Я не одна. Я выбрала этот путь. Я не хочу больше бежать. Я хочу быть свободной».

Я открыла глаза и сделала глубокий вдох. Шёпот затих. Лес вокруг меня вздохнул так, будто ждал этих слов. Будто он проверял меня, и я прошла его испытание. Тропинка снова стала ясной, и я увидела Джи Хуна, стоящего впереди, с лёгкой улыбкой на лице.

– Ты справилась, – сказал он, и в его голосе звучала гордость.

– Это было... страшно, – призналась я, чувствуя, как мои колени дрожат.

– Но ты не убежала, – ответил он. – Ты осталась. Ты встретила со своим страхом лицом к лицу и не сдалась. Это самое главное.

Мы продолжили путь. Через час мы вышли к массивным каменным воротам. Они были такими высокими, что их вершины терялись в облаках, и я чувствовала себя маленьким муравьем, стоящим у подножия гиганта. Над ними были высечены два иероглифа, которые светились мягким золотистым светом: «Чхон Му». За воротами виднелись крыши зданий, сады и высокие башни, которые уходили далеко в небо.

Я стояла на пороге новой жизни. И впервые за долгие годы я не боялась сделать шаг вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.